

УДК 94 (47) : 930.85

ББК 4402(235.55)61

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

О.С. Поршнева

Екатеринбург

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Историография, российская Революция 1917 г., антропологическое измерение, психология, сознание, поведение.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются дискуссионные аспекты и основные достижения современной историографии в изучении историко-антропологического измерения российской Революции 1917 г. Показаны качественная трансформация характера исследований и их теоретико-методологических основ, природ знаний в изучении проблемы.

O.S. Porshneva

Yekaterinburg

**HUMAN DIMENSION OF THE REVOLUTION OF 1917:
CONTROVERSIAL ASPECTS AND ACHIEVEMENTS
IN THE CONTEMPORARY STUDIES**

KEY WORDS: Historiography, 1917s Russian Revolution, anthropological perspective, psychology, consciousness, moods, behavior.

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of the controversial aspects and major achievements in the contemporary studies of 1917s Russian Revolution's anthropological perspective. Author shows a qualitative transformation of the research practice and its theoretical background, a significant growth of knowledge in the field.

Столетний юбилей эпохального события отечественной истории – Российской революции 1917 года – дает основание, с учетом совре-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

менных интеллектуальных запросов, для переосмысления ее исторического опыта, характера вызвавших Революцию и вызванных ею самой процессов, их долговременных последствий. Понимание природы Революции 1917 г. возможно только с учетом ее антропологического измерения: в условиях тектонических социально-политических сдвигов, восстания масс скрытые структурные проблемы и противоречия общественной жизни ярко обнаруживают себя в поведении людей. Его изучение позволяет реконструировать восприятие общественных процессов, их интерпретацию самими историческими акторами, влиятельными и рядовыми, мотивацию действий индивидов, групп и массовых слоев, определивших, в конечном счете, исход Революции.

В современной историографии в исследовании российских революций XX в. и, в первую очередь, Революции 1917 г., ярко проявился антропологический поворот, ее события и процессы стали рассматриваться сквозь призму «человеческого измерения».

На Западе представители «ревизионистской историографии» в 1970-е –90-е гг. обратились к анализу российских революционных и постреволюционных процессов с позиций социальной истории и родственных антропологически-ориентированных направлений, обозначив перспективный вектор их изучения (54, 55, 58, 59). В отечественной историографии задача переосмысления революции на основе исследования ее человеческого измерения была поставлена в докладе П.В. Волобуева и В.П. Булдакова на XVIII Международном конгрессе исторических наук 2 сентября 1995 г. Авторы, в частности, предложили психосоциальную интерпретацию революций 1917 г. на основе междисциплинарного синтеза (14. С. 31).

На базе интеграции усилий отечественных и зарубежных исследователей с сер. 1990-х гг. началась разработка перспективного направления «Человек и революция в XX веке», способствовавшего кардинальному переосмыслению истории русских революций. В 1990-е гг. в России вышли в свет не только статьи, но и монографии, в которых социальные процессы в революционной России рассматривались сквозь призму «человеческого измерения» (1, 2, 27, 37, 38, 46). Авторы уделили значительное внимание анализу факторов модернизации и обстоятельств революционного кризиса, оказавших определяющее влияние на изменение облика и поведения основных слоев российского общества, были предприняты усилия по исследованию различных

аспектов психологии масс в революционную эпоху. Историки обратились к изучению массового сознания революционного времени, рассматривая на основе исторических источников такие его аспекты, как восприятие власти и ее институтов, идей социализма, отношение к текущим политическим событиям, политическим партиям и революционным вождям, антибуржуазный компонент общественного сознания, феномен революционной жертвенности и т.д. Результаты и выводы данных исследований были важным этапом на пути изучения специфики преломления в массовом сознании основных идей революции, политической пропаганды революционных партий, текущих событий, помогая тем самым выявить установки и стереотипы восприятия, важнейшие ценностные ориентации массовых слоев и отдельных групп населения. В центре внимания в рамках данной проблематики оказались массовые слои российского общества – крестьяне и рабочие (13, 16, 23, 24, 43, 47, 50, 51, 52, 53).

Важное значение для осмысления и исследования процессов российской Революции 1917 г. в компаративном ключе имеют труды П. Холквиста (48, 56) и Д. Санборна (61). В них период 1914-1920 гг. рассматривается как время единого европейского военно-революционного кризиса, а Революция 1917 г. в России – как часть этого кризиса, а также более длительных, имевших общую логику, политических процессов первой четверти XX в. П. Холквист отмечает, что с точки зрения социальных институтов, Революция и Гражданская война были всего лишь финальной стадией длительного кризиса, начатого в 1914 г. Автор исследует элементы преемственности в трансформации социальных и политических структур российского общества в дореволюционный и постреволюционный периоды, общеевропейскую логику данных изменений (56. Р. 141-239). Д. Санборн выявляет культурную основу и идейно-психологическую составляющую феноменов массовой политики, пропаганды и массовой армии, как элементов российской социально-политической жизни 1914-20 гг., концепты, образы, массовые интерпретации, воплощавшие и определявшие происходившие в этот период перемены. Важным для понимания опыта Революции стал анализ Холквистом и Санборном политических и культурных практик ее многоплановых исторических акторов.

Концепция военного опыта, предложенная немецкими историками, стала инструментом изучения человека в условиях войн нового и

новейшего времени, в частности, в период европейского военно-революционного кризиса 1914-1921 гг. (33. С. 7, 28). Она активно используется российскими исследователями, прежде всего челябинской группой под руководством И. В. Нарского. Переход от истории событий к истории опыта и «маленького человека» является, как отмечают О.С. Нагорная и И.В. Нарский, характерной чертой современной историографии войн (30. С. 18). Поскольку российская революция 1917 г. произошла в условиях мировой войны, военный опыт комбатантов и населения тыла оказал очевидное влияние на ее возникновение и протекание.

Целый ряд исследований посвящены анализу психологии и поведения солдат русской армии в период революции 1917 г., таких их проявлений как братания, дезертирство, насилия и т.д. (4, 5, 6, 7, 10. С. 119-139). Следует особо отметить работы А.Б. Асташова, основанные на привлечении обширного и разнообразного круга источников, в том числе значительного массива солдатских писем. С историко-антропологических позиций исследуется поведение в условиях Революции 1917 г. не только солдат, но и офицеров русской армии (17, 31, 34). Элементами изучения эпохи военно-революционного кризиса 1914-22 гг. являются исследование опыта военной и революционной повседневности, российского и зарубежного плена (29, 32, 35, 44). Опыт революции изучается через тему насилия, в частности, в ее этно-конфессиональном воплощении (12).

Сегодня достигнут определенный консенсус в понимании решающей роли мировой войны в происхождении Революции 1917 г. (11). В то же время в российской и зарубежной историографии дискуссионным остается вопрос о степени зрелости российской нации и роли войны в ее формировании. Если большинство исследователей считают, что одной из главных причин революции и отказа масс от войны стала несформированность национального сообщества с едиными представлениями о целях и интересах страны, то Д. Санборн и М. Стокдейл, напротив, отмечают значительную роль военного опыта в конструировании гражданской идентичности, формировании идеи нации (61. Р. 205, 60. Р. 26). Так, М. Стокдейл пишет: «Можно скорее заключить, что опыт войны помог укрепить в населении чувство принадлежности к великому национальному сообществу, чем стал проигранным тестом на патриотизм» (60. Р. 26).

В 2000-2010-е гг. продолжилось начатое в 1990-е годы изучение общественных настроений, психологии, поведения, социальных практик различных групп и слоев российского общества в условиях мировой войны и революции, осуществляемое в междисциплинарном ключе на региональном и общероссийском материале. В целом в 2000-2010-е гг. произошел качественный прирост знания по проблеме «Человек в революции», ознаменовавшийся освоением исследователями плодотворных теоретических концепций, появлением фундаментальных монографий, расширением источниковой базы работ за счет вовлечения в научный оборот новых материалов центральных и региональных архивов. Осуществлялась активная разработка данных проблем на региональном уровне (41, 42, 45), позволившая обосновать или скорректировать ряд значимых положений и выводов, более аргументировано делать обобщения странового характера.

Продуктивным направлением современных исследований Революции 1917 г. является изучение ее политической культуры с позиций «новой политической истории». В ее рамках активно используется «культурно-символический подход», позволяющий оценить роль символов, образов, слухов в политической борьбе и массовой культуре революционной эпохи. Данная проблематика разрабатывается в трудах Б.И. Колоницкого, О. Файджеса и других отечественных и зарубежных авторов (19, 20, 21, 22, 54, 57, 60). Как справедливо отмечает Б.И. Колоницкий, изучение политических культур особенно важно для историков революции: в нестабильные периоды политические институты почти растворяются в политической культуре, и в то же время создаются условия для «застывания», «кристаллизации» политических культур, создания на их основе новых политических институтов. В этих условиях, подчеркивает автор, происходит поиск новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе, что обуславливает тягу сознания к семиотичности, возрастание роли политических символов (20. С. 6-7).

Другими междисциплинарными направлениями, позволяющими исследовать «человеческое измерение» революционных процессов 1917 г., являются интеллектуальная история и историческая имагология. Они дают возможность изучить идеи, мифы, образ революции и ее акторов в сознании участников, современников и иностранных очевидцев этих эпохальных событий. Одним из активно развиваю-

щихся направлений является исследование взаимовосприятия и взаимодействия представителей западной и российской культур в условиях Революции 1917 г. (15, 18, 25, 40).

Для изучения революционных процессов 1917 г. в России с учетом их цивилизационных и социокультурных особенностей используется теория модернизации. Модернизационные процессы проявлялись в России своеобразно, имели особую почву (49. С. 38). Причины, динамика российских революций, в том числе революции 1917 г., трактуются исследователями с учетом характера, противоречий и особенностей российской модернизации, в контексте мировых модернизационных процессов. В то же время среди историков-сторонников модернизационной парадигмы нет единства, их, по оценке Б.Н. Миронова, можно условно разделить на «оптимистов» и «пессимистов». Первые считают, что в позднеимперский период в развитии страны преобладали положительные тенденции, которые при более удачном стечении обстоятельств позволили бы избежать революции, а вторые настаивают на неисправимости самодержавия и на тотальном системном характере кризиса, с неизбежностью закончившегося революциями (28. С. 63–64). Л.И. Бородин, относящийся скорее к «оптимистам», особую роль в возникновении революции отводит Первой мировой войне, нарушившей равновесное состояние общественной системы. Он обосновывает возможность использования теории синергетики для изучения революций, как переходных состояний в развитии социума, когда происходит нарастание противоречий и социального хаоса. Концепция синергетики позволяет, по мнению автора, исследовать альтернативы исторического развития в «точке бифуркации», т.е. на фазе «разрыва», возникающей в условиях революции (9, С. 205), а также роль субъективных и случайных факторов в динамике революций. Поэтому данная теория, как отмечает автор, может использоваться для изучения «человеческого измерения» революции (8. С. 22-30).

Актуальность дальнейшего исследования антропологической «перспективы» Революции 1917 г. подтверждается выходом в свет в последние годы сборников документов личного происхождения, «эго-документов» (36, 39). На их основе можно исследовать широкий спектр проблем политической, социальной, культурной истории российской Революции, конкретизировать и углубить наши представления о феномене Революции 1917 г., роли в ней Человека.

Литература:

1. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. 400 с.
2. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: «Глагол», 1994. 445 с.
3. Антропология революции: Сб. статей. Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М.: «Новое литературное обозрение», 2009. 496 с.
4. Асташов А.Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 268-281.
5. Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72-86.
6. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914-нач. 1917 года: военный опыт и современность. М. Новый хронограф, 2014. 740 с.
7. Базанов С.Н. Разложение русской армии в 1917 году (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 282-290.
8. Бородкин Л.И. Историческая синергетика: антропологический аспект // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2002. С. 22-30.
9. Бородкин Л.И. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX – XX веках: методологические аспекты // Цивилизации Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / Отв. Ред. Акад. РАН А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2015. С. 201-213.
10. Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 376 с.
11. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
12. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917-1918. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1096 с.
13. Бухараев В.М, Люкшин Д.И. Российская Смута начала XX в. как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1994. С.

154–160.

14. Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 28–38.

15. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.

16. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 22–39.

17. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. 260 с.

18. Колоницкий Б.И. Занимательная англофобия: Образы “Коварного Альбиона” в годы Первой Мировой войны // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 69–87.

19. Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: Остров, 2001. 84 с.

20. Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. Автореф. дис. докт. ист. наук. СПб., 2002.

21. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.

22. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.

23. Куренышев А.А. Крестьянство России в период войны и революции 1917 – 1920 гг. (историографические аспекты) // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 148–156.

24. Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917 – 1918 годах.). Автореф. дис. (опубликованной монографии) д-ра ист. наук. М., 1997.

25. Листиков С.В. Восприятие русских революций 1917 г. в США: модели и образы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 63–77.

26. Люкшин Д.И. 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 115–141.

27. Менталитет и политическое развитие России. М.: ИРИ РАН, 1996. 150 с.

28. Миронов Б.Н. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2014. 336 с.

29. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

30. Нагорная О., Нарский И. Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Российская

история. 2014. № 5. С. 13-26.

31. Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917-1921. М.: Квадрига, 2011. 488 с.

32. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.

33. Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / [редкол.: И.В. Нарский и др.] Челябинск: Каменный пояс, 2007. 613 с.

34. Павленко А.П. Офицеры Черноморского флота России в революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. – апрель 1918 г.). Автореф. КНД. ист. наук. Екатеринбург, 2015.

35. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб.: Нестор, 2000. 544 с.

36. Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г). Сборник документов /Сост. В.И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.

37. Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М.: ИРИ РАН, 1997. 224 с.

38. Революция и человек: Социально-психологический аспект. М.: ИРИ РАН, 1996. 224 с.

39. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер и др.; науч. ред. Н.В. Суржикова; ИИиА УрО РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 510 с.

40. Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. / Отв. ред. А.В. Голубев. М.: ИРИ РАН, 1996. 334 с.

41. Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 - начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара: Изд-во Самарского научного Центра РАН, 2012. 887 с.

42. Сидоренко Н.С. Эволюция политической атмосферы провинциального общества в условиях Первой мировой войны (на примере губерний Урала) // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. Сб. ст. Отв. Ред. Ю.А. Петрова. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 141-154.

43. Соболев Г.Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. 264 с.

44. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции, 1914-1922. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 423 с.

45. Сухова О.А. Первая мировая война как вызов русской ментальности:

массовые настроения в провинции в 1914—1917 г. // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. Сб .ст. Отв. Ред. Ю.А. Петрова. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 121-140.

46. Тяжельникова В.С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 411–433.

47. Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917 – 1918 гг. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Спб., 1994. С. 230-237.

48. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914 – 1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 83-101.

49. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов и др.; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 384 с.

50. Яров С.В. Политическое мышление рабочих в 1917 – 1923 годах: элементы трансформации // Менталитет и политическое развитие России. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 120–123.

51. Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917 – 1923 гг. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 224 с.

52. Яров С.В. «Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев». СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 320 с.

53. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917 –1920-х гг. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2006. 570 с.

54. Figes, Orlando. A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. New York: Viking, 1997. 923 p.

55. Fitzpatrick, Sh. The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in the Early Soviet Years // Slavic Review. 1988. Vol. 47. N. 4. pp. 599-613.

56. Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914 – 1921. Cambridge, Mass., London, 2002. 359 p.

57. Kolonizkii B., Faiges O. Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917. London, 1999. 198 p.

58. Kotkin Stephen. Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization. Berkley, Los Angeles, London, 1995. 639 p.

59. Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. Bloomington, 1989. 450 p.

60. Russian Culture in War and Revolution, 1914 – 1922. Book 2. Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Ed. by Murray Frame, Boris Kolo-

nitskii, Steven G. Marks, Melissa K. Stockdale. Bloomington: Indiana, 2014. 370 p.
61. Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925. Dekalb, 2003. 288 p.

УДК 94 (47) : 9580.85

ББК 4402(231295)61

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

М. Соегов

Ашхабад (Туркменистан)

**О ДЕНЕЖНЫХ КУПЮРАХ ЗАКАСПИЙСКОГО
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НА ФОНЕ
КРЕДИТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1919 ГОДУ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: область, правительство, банкнот, достоинство, русский, туркменский и армянский языки, распад страны.

АННОТАЦИЯ. В статье на основе надписей, содержащихся в лицевой (аверс) и обратной (реверс) сторонах бумажных банкнотов с достоинством 5, 10, 25, 50, 100 и 250 рублей, которые были выпущены Временным Правительством Закаспийской области в 1919 году, рассматриваются отдельные социолингвистические вопросы, связанные с общественной жизнью области после событий февраля и октября 1917 года. При этом наряду с записями на русском и туркменском языках выявляются также конкретные содержания записей на армянском языке, напечатанных на обратной стороне купюр. Затрагиваются вопросы о кредитных обязательствах правительства Великобритании тех лет перед населением Закаспийской области. Наряду с этим автором выдвигаются некоторые новые положения относительно истории краха союзной системы советской государственности.